

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41-1, Is. 3-1, pp. 890-898, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47)

“It is Necessary to Create a New Suitably Positive Past”: Boris Mironov in Russian Imperial Historiography

Valery V. Kerov^{a, *}^a National Research University Higher School of Economics, Russian Federation

Abstract

This article is devoted to the contemporary historiography of Russia as an empire from the 18th to the 20th centuries, the history of Russian “imperium.” This analysis is based on criticism of Boris Mironov’s monograph “The Russian Empire: From Tradition to Modernity.” The history of world empires is an important area of contemporary world historiography, which has the greatest relevance in current international relations. In Mironov’s multifaceted work, both the author’s own research and the historiographical results of the last two decades are used. The results of the analysis of the new social history of Russia (the history of the peasantry, urban groups, bureaucracies, intellectuals, businessmen, etc.) are given, as well as the new history of the state and law. Ethno-confessional politics and the “history of expansion” seem to be the central themes of modern imperial historiography. Mironov convincingly refutes the myth of Russia as a “prison of nations.” Confessional policy is also considered. The questions of heterogeneity and the endogenous character of revolutionary crises in Russia became the focus of the discussion within “new imperial history.” Here supporters of various historiographical orientations, despite formal differences, agree that the imperial system in Russia experienced crises caused by rapid modernization, and was followed by the new “imperial” (or quasi-imperial) period characterized by significant features and many common trends. An important feature of the modern “imperial” historiography and the history of Russia in general, according to the considered works, is the ideological approach of contemporary national scientific and historical discourse.

Keywords: Russian Empire; modern historiography; ethno-confessional politics; social history; history of mentalities; modernization; historical optimism; modernization; historical optimism; Old Believers; ethno-confessional relations; anti-Semitism.

Последние два десятилетия в нашей стране активно формируется «имперская» историография, или «новая имперская история». Это историография не истории Российской империи, но истории России как империи, истории ее «имперства».

За рубежом история империй Нового времени и современности начала свое развитие с середины XIX в. Сопоставительный анализ с использованием материала по Российской империи производился уже с 1890-х гг. К началу XXI в. Российская империя заняла прочное место среди объектов изучения мировой «имперской» историографии. Новейшая зарубежная и отечественная «новая имперская история» рассматривает весь спектр проблем исторического «имперства» (историографию см.: [Антология, 2005](#); [Щербина, 2007](#); [Соблиров, 2009](#); [Сухова, Ягов, 2015](#); и др.): от роли элиты в формировании империи и ее

* Corresponding author

E-mail addresses: vkerov@hse.ru (V.V. Kerov)

политики до мифологем имперского сознания. Основное внимание в последнее время уделяется соотношению «имперского» и «национального» в истории Российской империи, как и других исторических аналогов. Важное место занимает потенциальная кризисность империи и имперской системы, роль и место революций в имперской истории, а также роль империи в модернизации страны.

Вопрос условий и факторов ревитализации империи не вызывает острых споров. Здесь авторы лишь дополняют друг друга. Главная же дискуссия в российской историографии ведется вокруг закономерности самих революционных кризисов, завершающихся очередным «концом империи». Вызрели ли революционные кризисы длительный срок и имели ли они системный характер или империя могла развиваться еще долгое время?

Одна из точек зрения в наиболее выпуклой форме представлена в работах В.П. Булдакова, считающего, что «кризисная острота» «движения» империи обуславливалась в соответствующие периоды не только «бедственным положением» населения, но и «степенью несостоятельности властного начала в глазах народа». В России революционные кризисы, нарушавшие равновесие имперской системы, формировались постепенно. Они были вполне закономерны и «генетически» обусловлены (Булдаков, 2010: 663, 669–670, 900).

Противоположная точка зрения содержится в работах Б.Н. Миронова, входящего по версии РИНЦ в десятку наиболее цитируемых российских историков. В центральной исторической печати неоднократно обсуждались его работы (Круглый стол, 2000; Ахиезер, 2000; и др.). Особенный интерес вызвала «Социальная история России периода империи...» (Миронов, 1999). П. Гейтрелл авторитетно заявил, что ему «неизвестно ни одного равноценного исследования», тем более с индивидуальным авторством (Круглый стол, 2000: 45).

Недавно вышедший монументальный трехтомник «Российская империя: от традиции к модерну» включает материал «Социальной истории...» и является ее развитием. Труд основан как на собственных многолетних исследованиях Б.Н. Миронова, так и на обобщении российской и зарубежной историографии последних десятилетий. Он имеет энциклопедический характер, совмещая проблематику собственно социальной истории с историей государственных управленческих и правовых институтов, а также другие вопросы российской истории.

Очень важны для работы подразделы о ментальности различных социальных групп отечественного социума. Исследование включает очень интересные описания «картины мира» крестьян и рабочих, а также бюрократии. Значителен анализ других характеристик российских чиновников: от образования до управленческого профессионализма, быстрый рост уровня которого свидетельствовал о «движении к правовому государству».

При этом чрезмерно кратким и упрощенным выглядит материал о ментальности той общности, которую Миронов именует «буржуазией», в то время как в последние 25 лет возникла обширнейшая историография истории российских предпринимателей различных социальных подгрупп и этноконфессиональных сообществ. Многие работы касаются в том числе мировоззрения и менталитета наших бизнесменов. Историографически фундированная история этого очень значимого сектора российского социума, анализ его участия в модернизационных процессах, отношений с властью и пр. по непонятной причине отсутствуют в этой обобщающей монографии.

Интеллигенция также несколько «обижена» в работе чересчур схематизированными и противоречивыми описаниями. Однако в основном материал монографии дает возможность производить значительные выводы по различным вопросам российской истории.

Достоинством работы без сомнения также является успешная и последовательная борьба с историографическими мифами. Подраздел о крепостном хозяйстве и крестьянской реформе вообще чрезвычайно интересен весь, однако стоит обратить внимание на анализ эффективности крепостного хозяйства. Барщинные хозяйства, управлявшиеся вотчинной администрацией, были, по данным Миронова, вдвое более прибыльными, имели более высокую урожайность и более высокий сбор хлебов на одного работника, т. е. более высокий уровень производительности труда, чем оброчные. В условиях глубокого традиционализма русского крестьянина и его представлений о труде и собственности «более строгий надзор» владельцев обеспечивал большую эффективность, производительность труда и не менее высокий уровень жизни, чем у государственных крестьян.

Правда, не все аргументы здесь однозначны. Так, в качестве одного из доказательств вышеназванного тезиса приводятся данные об отсутствии различия в среднем росте («длине тела») различных категорий крестьянства, а также сведения о более высокой производительности рабского труда в США по сравнению со свободным трудом в этой стране. Желание меньше работать, якобы, стало главным стимулом антикрепостнических настроений российских крестьян, а единственной проблемой крепостничества для власти стала невозможность в первой половине XIX в. сохранять «прежний уровень насилия».

Одна из центральных по значимости тем монографии – национальная политика империи. Описание и анализ развития национальной политики в России с определением этапов и факторов ее формирования важны для общей концепции работы и в целом аргументированы. Здесь очень интересны подразделы, посвященные «русификации» национальных регионов в сопоставлении с европейскими аналогами. По выражению Б.Н. Миронова, Россия «не была ни тюрьмой народов, ни домом дружбы, а являлась... общежитием с комендантом во главе» (Миронов, 2014: 93). Этот «начальник», якобы, пытался со всеми общаться одинаково, хотя... у него были «свои фавориты и парии». Конфликты в таком «общежитии» были неизбежны, с развитием российского общества росло их число, как и количество мечтавших «об отдельной квартире». Национальные вопросы, тесно сопряженные с конфессиональными, делает вывод Миронов, верховная власть решала с общеимперской точки зрения.

Эта концепция, несмотря на ее некоторый схематизм и уместную скорее в лекции образность в целом адекватна реальности. Творец национальной политики начала XX в. П.А. Столыпин заявлял о ее мотивах: «...то, что нам всего ближе, всего дороже, – исторические державные права России». Если «народы забывают иногда о своих национальных задачах... такие народы гибнут, они превращаются в назем, в удобрение...» (Столыпин, 1991: 149, 305).

Эти интересы оказывались важнее, чем другие аспекты национально-конфессиональной политики. На границах империи приоритет отдавался русским элементам, которые должны были противодействовать сепаратистским и антирусским тенденциям (Столыпин, 1991: 208, 283, 325). Преследуемые в стране сообщества использовались как заслоны на пути «чужого» влияния вблизи рубежей страны, а также в противодействии укреплению влияния нерусских народов, имеющих за рубежом значительные анклавы. В Белоруссии и Правобережной Украине, а также в Прибалтике гонимые в центральной части империи православные русские старообрядцы не чувствовали нажима со стороны властей, наоборот, здесь они пользовались их поддержкой в противостоянии полякам и немцам.

Правительство при этом старалось не ущемлять и местные этносы окраин. Этот вывод Миронова полностью соответствует идеям руководителей России начала XX в. «Желание нанести полякам напрасное оскорбление... – утверждал Столыпин, – было бы не только не великодушно, это было бы не государственно» (Столыпин, 1991: 225). Даже черносотенцы поддерживали веротерпимость и этнотолерантность русского государства (правда, они делали исключение для евреев). По их мнению, национальный вопрос должен разрешаться «сообразно степени каждой народности служить России и Русскому народу в достижении общегосударственных задач».

Объективность и стремление избежать национальных конфликтов, по мнению Б.Н. Миронова, реализовывались в обязательном «сохранении существовавшего до вхождения в состав России административного порядка, местных законов и учреждений, отношений земельной собственности, верований, языка и культуры» (Миронов, 2014: 117), сотрудничестве с местной элитой. Национальная политика «отличалась прагматизмом и терпимостью» (Миронов, 2014: 272), что обеспечивало успешное решение национального вопроса.

В то же время такой глубокий исследователь, как Б.Н. Миронов, не мог делать вид, что не существовало множества случаев отступления от норм национальной и конфессиональной «толерантности». Их автор объясняет реакцией российского государства на «враждебность и сепаратизм» (например, Польша после восстаний 1830–1831 и 1863 гг.).

Однако совершенно неясным в рамках этой концепции остается вопрос о «враждебности и сепаратизме» евреев, ведь ни одного еврейского восстания в России зафиксировано не было. Объяснения ярко выраженного антисемитизма российской национальной и конфессиональной политики его «европейскими корнями» совершенно

недостаточно. Скорее в евреях видели агентов западного влияния. Черносотенцы объясняли необходимость ущемления евреев как раз тем, что это сообщество являлось, якобы, проводником западного влияния, поскольку «русское еврейство связано с мировым еврейством», которое «не покладая рук» работало «против России» (Шульгин, 1992: 27, 226–228 и др.). Кроме того, если руководствоваться концепцией реакции на «враждебность», то можно было бы объяснить ужесточение дискриминации евреев (1908–1909 гг. – пониженные «процентные нормы» на прием в высшие и средние учебные заведения; 1913–1914 гг. – существенные ограничения на участие евреев в руководстве акционерными обществами и др.) их ролью в революционном движении 1905–1907 гг. Однако государственный антисемитизм гораздо старше, чем революционаризм части еврейской молодежи и революционное движение в России вообще.

Б.Н. Миронов отмечает, что правительственные «ограничительные» меры были даже полезны, так как заставляли евреев интенсифицировать свои усилия в борьбе за личный успех. Однако относительно высокая традиционная грамотность евреев, их стремление преодолеть ограничения при помощи предпринимательской деятельности или путем получения высшего образования лишь в определенном смысле вызывались к жизни гонениями. Коммерческий успех и высокая доля евреев в среде российских юристов и медиков обуславливались прежде всего конфессионально-этической системой иудаизма и социальными традициями диаспоры. «Еврейский капитал» был успешен в том числе в странах, где гонений не было.

Вообще Б.Н. Миронов называет российскую антиеврейскую политику «либеральной политикой селективной интеграции» (!). «Назвать еврейскую политику российского правительства антисемитской вряд ли правильно и справедливо», – утверждает он (Миронов, 2014: 217). Здесь остается непонятным, как тогда оценивать более 500 дискриминационных законов, ограничивавших права «лиц иудейского вероисповедания» в стране, где проживало более половины мировой еврейской диаспоры (свыше 5 млн чел.), а также сам принцип «черты оседлости», в рамках которой российские евреи пользовались правами меньшими, чем обитатели известного венецианского острова Гетто.

Еще одним неоднозначно выглядящим аспектом монографии представляется описание и анализ репрессивной политики в отношении старообрядцев. Б.Н. Миронов относит старообрядческие общины наряду с декабристами и масонами (!) к «типичным» тайным политическим и религиозным ассоциациям, объединявшим людей, «не лояльных к существовавшему политическому режиму и официальной Православной церкви».

Историографическая мифология истории старообрядчества действительно содержит эпизод о «революционности» ревнителей древнего благочестия. Они, якобы, финансировали революционеров и сами, «увлеченные противоборством с вековечным противником... были готовы взять в союзники любого, кто своими действиями способствовал их целям». В 1905 г. старообрядцы, по мнению некоторых авторов, формировали дружины, раздавали винтовки и сражались на баррикадах. В 1917 г. они вообще стали «наиболее активными деятелями» социалистической революции, а их «коллективизм», законсервированный в общинных принципах хозяйства, привел к появлению государства, которое соответствовало вере народных низов, «имевших староверческую окраску», в «Царство Божие на земле» (Пыжиков, 2013). Подобные мифы не имеют под собой никакого основания и получили должную оценку в литературе (Керов, 2014). Старообрядцы, как свидетельствуют источники, несмотря на нелояльное к ним отношение государства и особенно Синодальной церкви даже после Указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г., представляли собой вполне верноподданническую среду, где отсутствовали левые революционные тенденции. Соответственно, антистарообрядческая политика, переживавшая периоды интенсификации и некоторого ослабления, не может быть названа толерантной и вызывалась не «враждебностью» староверческих деноминаций, а иными факторами.

Следует отметить и другие неточности в работе Б.Н. Миронова в характеристиках старообрядцев. Неверно заключение о склонности старообрядцев к предпринимательству «по традиции, т. е. без рекламы, без холодного и точного расчета, с оглядкой на традиционные моральные принципы» (Миронов, 2015b: 400). Моральные принципы представляли собой развитие православной традиции в новых условиях, однако религиозный рационализм стал важным фактором воздействия конфессиональной системы

на возникновение и развитие системы старообрядческого хозяйствования. Старообрядцы выработали и организационно-экономический рационализм, для них была характерна жесткая самодисциплина и организованность.

Можно найти и другие дискуссионные положения монографии в связи с национальным и конфессиональным вопросами. Не вызывает поддержки аргументация положения о равенстве нерусских народов в Российской империи тем, что русские «подвергались дополнительной (? – В. К.) социальной дискриминации по сравнению с нерусскими» и «уступали... немцам, полякам и евреям... по степени урбанизированности, уровню грамотности, экономическому развитию, по числу лиц, занятых в сфере интеллектуального труда» (Миронов, 2014: 271–272). Вряд ли относительно низкий уровень «урбанизированности» русских явился результатом их дискриминации в империи.

В целом же очерки национальной политики можно считать удачей автора работы. Действительно, в начале XX в. руководство страны ясно осознавало необходимость ограничений в отношении различных этносов. П.А. Столыпин боролся за отмену или хотя бы ослабление дискриминации «лиц иудейского вероисповедания», за распространение земской реформы (пусть и в деформированном виде) на Западный край. Учитывая разницу в уровне жизни образования народов империи, различия в их традициях и культуре, он видел цель национальной политики в развитии российских этносов на службе России. «Для татар, для евреев существует особый способ комплектования войска, особое жребиеметание, особое свидетельствование. Набирают их отдельно, а потом сражайтесь вместе», – образно сказал премьер (Столыпин, 1991: 338). Нельзя не согласиться с тем, что концепт России как «тюрьмы народов» действительно представляет собой идеологический миф провокационного характера. Российская империя коренным образом отличалась в этом смысле от империи Британской с ее работоторговлей, тотальным ограблением «включенных» территорий и первыми в мире концентрационными лагерями для гражданского населения колоний. В то же время тезис о равенства народов Российской империи, так же как и определение национальной политики, в том числе в отношении евреев, как «либеральной политики селективной интеграции» выглядит чересчур безапелляционным.

Но все-таки главное историографическое значение имеют макровыводы в отношении имперской истории России.

Б.Н. Миронов убедительно доказал, что в XVIII – начале XX в. проходила «непрерывная форсированная глобальная модернизация», представлявшая собой «двухвековой гиперцикл» в развитии страны. Нельзя не согласиться с тем, что «имперская модернизация» имела и спонтанность, однако «главным образом» проводилась целенаправленно правящим классом, «направлялась и стимулировалась верховной властью, в политике, ориентированной на передовые страны и стремившейся насколько возможно сократить разрыв. Выдающаяся роль государства в процессе модернизации компенсировала не только недостаток инициативы со стороны народа, часто не понимавшего необходимости реформ и не желавшего их проводить, но и дефицит капитала, образования и культуры» (Миронов, 2015b: 718–719). «Традиция активной роли государства во всех сферах общественной жизни, часто опережавшая реальные стремления населения, была и остается исторически универсальной для России» (Миронов, 2015a: 733–735).

Внешние влияния при этом часто противодействовали российской модернизации. Ведущие зарубежные страны, включая те, откуда мы заимствовали модели создаваемых институтов и учреждений, «рассматривали Россию как соперника» и препятствовали ее утверждению в мировой экономике и политике. Тот факт, что эти мировые державы руководствовались собственными национальными интересами, вполне логичен: каждое государство обязано проводить политику именно в этом направлении. Однако часто «российская» политика Запада была обусловлена борьбой с потенциальным конкурентом на мировой арене. Особенно явно в изучаемый период это проявлялось в политике Британии, стремившейся доминировать над всем миром, якобы, в связи со своим предназначением. Сесил Родс (1853–1902), английский и южноафриканский политический деятель, активный проводник политики безудержной колонизаторской экспансии, сетовал: «Мир почти весь поделен, а то, что от него осталось, сейчас делится, завоевывается и колонизируется. Как жаль, что мы не можем добраться до звезд, сияющих над нами в ночном небе! Я бы аннексировал планеты, если бы смог; я часто думаю об этом» (Родс, 2016). Экспансия России в свете этого выглядит довольно умеренной, что и показал автор монографии.

Трехтомник Б.Н. Миронова можно назвать монументальной книгой выдающихся историографических достижений и маленьких историографических огрехов. Универсальность и многогранность исследовательского характера Б.Н. Миронова видна во всех его значительных трудах. Составляющие работу исследования различных вопросов российской истории будут, без сомнения, активно востребованы.

Главный же итог изучения работы можно сформулировать так: формирование общей теории кризиса имперских систем бесперспективно в рамках современного научно-исторического дискурса. Тезисы оппонентов в «имперской» дискуссии лишь внешне противоположны. В.П. Булдаков критикует Б.Н. Миронова за вывод об отсутствии «генетических изъянов» Российской империи и о возможности ее развития эволюционным путем и делает заключение о перманентности российского имперства, продолжающегося и в XX-м, и в XXI в. Империя восстанавливается синергетически, поскольку она – «скорее правило, чем временное состояние» нашей истории (Булдаков, 2010: 673). Но Б.Н. Миронов также говорит о существенной преемственности имперского советского и постсоветского периодов модернизации России (Миронов, 2015b: 713–718; Миронов, 2013: 77–92).

Следующий дискутируемый тезис – о спонтанности революционных кризисов. Некоторые историки считают, что имперская система сама продуцирует собственные кризисы, а развитие происходит на основе цикличности кризисов империи (Булдаков, 1997; Булдаков, 2010: 693). Б.Н. Миронов утверждает, что речь шла не о «глобальном перманентном кризисе», а о сочетании «неблагоприятных форс-мажорных внешних и внутрirosсийских обстоятельств» (Миронов, 2015b: 691; Миронов, 2013: 77–92), которые не позволили обществу справиться с процессом модернизации. Однако здесь же он пишет о том, что революционный кризис «был болезнью роста» и результатом ускоренной модернизации, вызвавшей дезорганизацию и социальную напряженность, что на фоне ослабления социального контроля (также в связи с модернизацией) обеспечило резкий рост протестных движений. Миронов справедливо называет это «системным кризисом» (Миронов, 2015b: 690) (хотя и не таким, как «системный кризис», описанный в советской историографии).

В результате дискуссия оказывается концептуально иллюзорной и различия сводятся в основном к ответу на вопрос с сомнительным академическим смыслом: «хорошо» или «плохо» жили подданные Российской империи, бедствовало или богатело крестьянство, угнетались или гармонично развивались народы и т. п.? К чести Б.Н. Миронова, он сам это ясно понимает, так же как осознает условный характер доказуемости заключения по этому вопросу, которое определяется отнюдь не результатами эмпирического исследования российской имперской истории, а современными идеологическими целями. «Отечественным историкам, – пишет Б.Н. Миронов в своей монографии, – следует, как во всех “цивилизованных странах”, создать свое позитивное прошлое, которое бы помогало нам повысить свою самооценку и благодаря этому успешнее двигаться вперед. Позитивный образ не означает фальшивый. ...Новое адекватное позитивное прошлое... должно стать письменным научным текстом...» (Миронов, 2015b: 723–724). Вероятно, этот текст и будет представлять завтрашнюю российскую «имперскую» историографию.

Литература

Ахиезер, 2000 – Ахиезер А.С. Специфика исторического опыта России: трудности обобщения. Размышления над книгой Бориса Миронова // Pro et Contra. 2000. Осень. Т. 5, № 4. С. 209–221.

Антология, 2005 – Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология: сборник статей. М.: Новое издательство, 2005. 695 с.

Булдаков, 1997 – Булдаков В.П. Имперство и российская революционность // Отечественная история. 1997. № 1. С. 42–59; № 2. С. 20–47.

Булдаков, 2010 – Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010. 967 с.

Керов, 2014 – Керов В.В. Русская история сквозь призму старообрядческого фактора // Российская история. 2014. № 4. С. 203–213.

Круглый стол, 2000 – Российский старый порядок: опыт исторического синтеза: материалы круглого стола / сост. С. Секиринский // Отечественная история. 2000. № 6. С. 43–93.

Миронов, 1999 – *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. 548 с.; Т. 2. 566 с.

Миронов, 2013 – *Миронов Б.Н.* Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М.: Весь мир, 2013. 336 с.

Миронов, 2014 – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. 896 с.

Миронов, 2015a – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 2. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 912 с.

Миронов, 2015b – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 3. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 992 с.

Пыжиков, 2013 – *Пыжиков А.В.* Грани русского раскола: Заметки о нашей истории от XVII века до 1917 года. М.: Древлехранилище, 2013. 646 с.

Родс, 2016 – Родс, Сесиль Джон // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%BE%D0%B4%D1%81,%D0%A1%D0%B5%D1%81%D0%B8%D0%BB%D1%8C_%D0%94%D0%B6%D0%BE%D0%BD (дата обращения: 29.09.2016).

Соблиров, 2009 – *Соблиров Х.Х.* Исторический дискурс о России: «Многонациональная империя» или национальное государство // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 10-2. С. 100–104.

Столыпин, 1991 – *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия...: Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. М.: Молодая гвардия, 1991. 411 с.

Сухова, Ягов, 2015 – *Сухова О.А., Ягов О.В.* Имперская идентичность и формирование российской нации: историографические аспекты проблемы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. № 3. С. 52–61.

Шульгин, 1992 – *Шульгин В.В.* «Что нам в них не нравится...»: Об антисемитизме в России. СПб.: Хорс, 1992. 286 с.

Щербина, 2007 – *Щербина А.В.* Современная западная историография об имперских институтах и политике имперской власти в России в конце XIX – начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. Спецвыпуск: Актуальные проблемы исторических исследований. С. 99–106.

References

Akhiezer, 2000 – *Akhiezer A.S.* Spetsifika istoricheskogo opyta Rossii: trudnosti obobshcheniya. Razmyshleniya nad knigoi Borisa Mironova [Specifics of historical experience of Russia: difficulties of generalization. Reflections over Boris Mironov's book] // Pro et Contra. 2000. Т. 5, nr 4, pp. 209–221 [in Russian].

Antologiya, 2005 – *Rossiiskaya imperiya v zarubezhnoi istoriografii. Raboty poslednikh let: antologiya* [The Russian Empire in a foreign historiography. Works of the last years]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2005. 695 p. [in Russian].

Buldaov, 1997 – *Buldaov V.P.* Imperstvo i rossiiskaya revolyutsionnost' [Imperstvo and the Russian revolutionary] // Otechestvennaya istoriya [National history]. 1997. Nr 1, pp. 42–59; Nr 2, pp. 20–47.

Buldaov, 2010 – *Buldaov V.P.* Krasnaya smuta: Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya [Red confusion: The nature and consequences of revolutionary violence]. Moscow: ROSSPEN, 2010. 967 p. [in Russian].

Kerov, 2014 – *Kerov V.V.* Russkaya istoriya skvoz' prizmu staroobryadcheskogo faktora [The Russian history through a prism of an Old Belief factor] // Rossiiskaya istoriya [Russian history]. 2014. Nr 4, pp. 203–213 [in Russian].

Kruglyi stol, 2000 – *Rossiiskii staryi poryadok: opyt istoricheskogo sinteza: materialy kruglogo stola* [Russian old regime: experience of historical synthesis: materials of the “round table”] / sost. S. Sekirinskii // Otechestvennaya istoriya [National history]. 2000. Nr 6, pp. 43–93 [in Russian].

Mironov, 1999 – *Mironov B.N.* Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [Social history of the Russian Empire (the 18th – early 20th centuries): Genesis of

personality, democratic family, civil society and lawful state]: 2 т. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1999. Т. 1. 548 p.; Т. 2. 566 p. [in Russian].

Mironov, 2013 – *Mironov B.N.* Strasti po revolyutsii: Nравy v rossiiskoi istoriografii v vek informatsii [The passion for the revolution: mores in the Russian historiography in the information age]. Moscow: Ves' mir, 2013. 336 p. [in Russian].

Mironov, 2014 – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 т. Т. 1. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2014. 896 p. [in Russian].

Mironov, 2015a – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 т. Т. 2. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015. 912 p. [in Russian].

Mironov, 2015b – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 т. Т. 3. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015. 996 p. [in Russian].

Pyzhikov, 2013 – *Pyzhikov A.V.* Grani russkogo raskola: Zametki o nashei istorii ot XVII veka do 1917 goda [Facet the Russian split. Notes about our history from the 17th century to 1917]. Moscow: Drevlekhranilishche, 2013. 646 p. [in Russian].

Rods, 2016 – Rods, Sesil' Dzhon [Rhodes, Cecil John] // Wikipedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%BE%D0%B4%D1%81,_%D0%A1%D0%B5%D1%81%D0%B8%D0%BB%D1%8C_%D0%94%D0%B6%D0%BE%D0%BD (data obrashcheniya: 29.09.2016).

Shcherbina, 2007 – *Shcherbina A.V.* Sovremennaya zapadnaya istoriografiya ob imperskikh institutakh i politike imperskoi vlasti v Rossii v kontse XIX – nachale XX v. [Modern western historiography about imperial institutes and policy of the imperial power in Russia at the end of the 19th – early 20th century] // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki [News of higher educational institutions. The North Caucasus region. Social Sciences]. 2007. Spetsial'nyi vypusk: Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy [Special issue: Actual problems of historical research], pp. 99–106 [in Russian].

Shul'gin, 1992 – *Shul'gin V.V.* “Chto nam v nikh ne nravitsya...”: Ob antisemitizme v Rossii [“That in them it is not pleasant to us...”: About anti-Semitism in Russia]. St. Petersburg: Khors, 1992. 286 p. [in Russian].

Soblirov, 2009 – *Soblirov Kh.Kh.* Istoricheskii diskurs o Rossii: “Mnogo-natsional'naya imperiya” ili natsional'noe gosudarstvo [Historical discourse about Russia: “The multinational empire” or national state] // Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy [Scientific problems of humanitarian studies]. 2009. Nr 10-2, pp. 100–104 [in Russian].

Stolypin, 1991 – *Stolypin P.A.* Nam nuzhna Velikaya Rossiya...: Polnoye sobranie rechei v Gosudarstvennoi dume i Gosudarstvennom sovete. 1906–1911 [To us it is necessary Great Russia...: Complete collection of the speeches in the State Duma and the State Council. 1906–1911]. Moscow: Molodaya gvardiya, 1991. 411 p. [in Russian].

Sukhova, Yagov, 2015 – *Sukhova O.A., Yagov O.V.* Imperskaya identichnost' i formirovanie rossiiskoi natsii: istoriograficheskie aspekty problemy [Imperial identity and forming of the Russian nation: historiographic aspects of a problem] // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki [News of higher educational institutions. Povolzhskiy region. Humanities]. 2015. Nr 3, pp. 52–61 [in Russian].

УДК 94(47)

«Необходимо создать новое адекватное позитивное прошлое»: Б.Н. Миронов в российской имперской историографии

Валерий Всеволодович Керов^{а,*}

^а Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vkerov@hse.ru (В.В. Керов)

Аннотация. Статья посвящена современной историографии истории России XVIII – начала XX в. как империи, истории российского «имперства». Анализ строится на критике монографии Б.Н. Миронова «Российская империя: от традиции к модерну». История мировых империй является значимым направлением новейшей мировой историографии, обладающим высочайшей актуальностью в условиях современных международных отношений. В многосторонней работе Миронова использованы как собственные исследования автора, так и историографические итоги последних двух десятилетий. Приведены результаты анализа новой социальной истории России (истории крестьянства, городских слоев, бюрократии, интеллигенции, предпринимателей и др.), новой истории государства и права. Центральными темами современной имперской историографии представляются этноконфессиональная политика и «история экспансии». Миронов аргументированно опровергает миф о России как «тюрьме народов». Главным вопросом дискуссии в рамках «новой имперской истории» стал вопрос о гетерогенности и эндогенности революционных кризисов в России. Здесь сторонники различных историографических направлений, несмотря на формальные различия, сходятся в том, что имперская система в России переживает кризисы, порожденные ускоренной модернизацией, а вслед за ними наступает новый «имперский» (или квазиимперский) период, характеризующийся важными временными особенностями и многим общими тенденциями. Важной особенностью современной «имперской» историографии и вообще истории России, судя по рассмотренным работам, является идеологическая заданность современного отечественного научно-исторического дискурса.

Ключевые слова: Российская империя; современная историография; национальная политика; социальная история; история ментальности; модернизация; исторический оптимизм; старообрядцы; этноконфессиональные отношения; антисемитизм.